

ПРОГУЛКИ ПО ВЕРТИКАЛИ

Денис Урубко

Здесь, во Владивостоке опять идут дожди. А вчера выпал мокрый снег. Я сидел у окна и следил взглядом за падающим хлопьями. Лоб мой приятно холодило, и – помню – меня мучило ощущение чего-то непонятного, позабытого. А холодное стекло успокаивало.

Скоро во Владивосток придет летний муссон, с моря задуют теплые парные ветры, и листва деревьев пропитается влагой, выдыхаемой на берег ласковыми волнами. Тогда весь город, все побережье, кажется, погружается в странное оцепенение, в стойкий пряный полумрак, навевающий тишину и заставляющий людей забиваться в дома, зажигать яркий свет, и оставаться наедине друг с другом. А туман в это время, словно одно живое существо, окутавшее землю своим мягким телом, заглядывает в струящиеся желтым светом окна и, прижавшись к стеклу, доверчиво разглядывает нашу жизнь, словно крадучись проникает во все тайное... Он добр, этот туман. Он по-женски мягок и ласков, как ласково и прекрасно породившее его море. Скоро здесь будет так. Но мне думается не об этом, когда я гляжу на белые призраки, мелькающие за окном. Я вспоминаю другое небо, другой туман, другую тишину – все не такое, как здесь, на высоте ноль метров над уровнем моря.

Есть на свете иное небо. Небо, слепящее глаза своей темной нереальной синевой. Небо, где по этому холодному жесткому своду стремительно катится слепящее солнце. Огненный шар, неистовый в безмерном гневе, жестокости и ненависти ко всему живому, теряет свою атмосферную маску, улыбчивую у моря, и показывает свое истинное лицо. А лицо, надо сказать, у него холодное, хоть и тепло под его лучами. Но берегись, усталый путник, – в одно мгновение солнце может сменить ласку на гнев. Не доверяй ему, если хочешь дойти до цели. И вот уже оно исчезло, сгнуло, словно и не светило никогда, и на его место стремительно несется холодная мгла, – то прилетели на крыльях ветра туман и снег, два брата, неистошимые на выдумки и проказы, все время союзничающие и дружные, все время приходящие друг другу на помощь. Они обволакивают, обманывают, подталкивают к гибели, кружась вокруг тебя в дикой вакханалии своего танца. И если к ним присоединяется ветер – ты обречен, потому что слабеешь с каждой минутой. Снег залепляет твои глаза, туман обманывает неверный шаг, порывы ветра толкают, теснят тебя, и вся эта пытка усугубляется тем, что тебе не дают дышать, – тебе не хватает воздуха, ибо находишься ты во владениях своенравной хозяйки Высоты.

Рассказ этот я начал писать, возвращаясь на поезде во Владивосток. Мое счастье искало выхода, меня переполняло что-то, чем я хотел поделиться с другими людьми. Юности присущи амбициозность, романтизм, лирика, мечты и дерзкие замыслы – всем этим я страдаю в большой степени. Я люблю искать риск, предел своих сил, выкладываться полностью, хочу делиться с окружающими своим счастьем... но, пожалуй, не делить это счастье. Я ко всему прочему еще и честолюбив до самозабвения. Узкий порог, заставляющий меня делать то, чего не делают другие. Я злюсь, но я и здесь не первый. Такое происходит со многими людьми, и я злюсь, что не оригинален. И должен быть всегда первым, всегда. И должен стремиться залезть еще выше. И мне не надо снисхождения.

* * *

Двенадцатого августа с утра шел дождь. Проснулся я поздно, часов в одиннадцать, и не спеша приготовил завтрак. Утро было промозглое. Низкие тучи цепляли гребни морен и, словно вспоротые этим прикосновением, разряжались мелким нудным дождем. Мокрые камни глянцево тяжелели в сером свете утра. Трава на поляне полегла под грузом воды и ветра. Холодно, сыро...

Выходить наверх в такую погоду было глупо – под дождем на ледопаде много не поработаешь. Я на минуту представил себя карабкающимся по мокрым серакам. Бррр! Пожалуй, сегодня мне предстоит пересидеть в палатке. Досадно, но ничего лучшего придумать нельзя – ночевка на леднике в мокрой одежде и спальнике может выйти боком и сорвать не только вершину, но и остальной маршрут.

Записываю в дневник несколько строчек, долго сижу у входа, в глубокой задумчивости глядя на падающие в траву капли дождя. Пытаюсь осознать происходящее со мной и во мне. Сейчас я нахожусь у языка ледника Геблера, мощным потоком сползающего по склонам Белухи, у небольшого озера в кармане его боковой морены. Вчера утром надо мной сверкала в вышине вершина, играя своими гранями в лучах восходящего солнца. С тех пор я не видел ее. Сразу же напоззли тяжелые тучи и скрыли Белуху от моих глаз. К сожалению, эта гора из тех, что редко показываются людям. Бывает, что альпинисты восходят на нее и уезжают, так и не повидав ее красоты, ибо, когда надо всем Алтаем светит яркое солнце, Белуха и тогда умудряется приманить кусочек тумана, закрывая свою неприкосновенную вершину.

Я жду со вчерашнего дня хорошую погоду. Безо всякой надежды коротаю утро, однако часам к одиннадцати в природе наметилась перемена. Дождик перестал капать, и раздвинувшиеся тучи внезапно открыли кусочек ослепительно-синего неба. Словно спохватившись, ветер попытался затянуть эту прореху, но та быстро расплзлась по небу, и вот уже показавшееся солнце ударило каскадом ярчайших красок по серебряным вершинам гор.

Будто не веря в произошедшую перемену, я долго ничего не предпринимаю, однако внезапно сердце переполняется жаждой деятельности. Что ж из того, что ледопад залит водой!? Ерунда и снег, засыпавший трещины на леднике выше Голубого балкона. Я уже весь в пути к Белухе, упорно прячущейся за крохотной тучкой. Быстро собираю рюкзак, сворачиваю палатку, тент, и стартую от места ночевки у моренного озера вверх, в обход нижнего ледопада ледника Геблера по гребню высокой мощной морены, тянущейся на несколько километров.

Здесь, пожалуй, будет уместным представить, так сказать, театр военных действий, на котором будут разворачиваться события. Как многие уже, верно, поняли, он находится в Центральном, наиболее высокогорном районе Алтая, на южных склонах его высочайшей горы Белухи, чья восточная вершина вознеслась в небо на четыре тысячи пятьсот шесть метров над уровнем моря. От подножия перепад составляет почти два с половиной километра – именно такая разница между долиной реки Катунь, берущей начало от ледника Геблера, и вершиной горы.

Ледник Геблера имеет очень крутое падение, перемалываясь по пути в мощных ледопадах, и состоит из двух параллельных ветвей, зарождающихся под седлом Белухи, которые тянутся до своего слияния около четырех километров. Вследствие своей большей длины, восточная ветвь имеет меньшую крутизну и легче проходима. Примерно посередине склона отдельный гребень между ледниками резко понижается, и в этом месте образовался маленький переметный ледник, отделившийся от восточной ветви и нависший характерной полкой над западными ледопадами. Место это первые исследователи Белухи очень удачно окрестили Голубым балконом. С тех пор через него проложен один из наиболее популярных маршрутов к вершине, и спортивные группы обычно проходят его за два-три дня.

Буквально за час я словно на крыльях поднимаюсь от озера по моренам под второй ледопад. Чем ближе я подхожу к нему, тем сильнее отдается в висках стук сердца. Меня начинает волновать предстоящая схватка. Вблизи видно, через какой хаос битого льда и фирна мне предстоит пролезть над бездонными трещинами. Кое-где видны следы сколов недавних обвалов. И весь ледопад, словно вздыбившаяся в падении неумолимая ледяная река, несет на меня, цепляя остриями сераков ключья облаков, тающих в вышине. Может быть, именно здесь случилась трагедия с двумя альпинистами, за неделю до меня пытавшимися одолеть вершину?

Вообще, подножие Белухи здорово смахивает на мемориальный комплекс. Во время подходов, да и затем в долине Аккема, я встречал много памятных табличек с указанием имени, фамилии и места гибели человека. Под Белухой таких много. Вечерами там особенно грустно, у этих неброских мемориалов. О трагедии же под Белухой за неделю до меня я слышал от встречных групп, шедших по реке Кучерла из этого района. Один из участников, как говорили, погиб, а другого удалось спасти.

По пути у Кучерлинского озера я ночевал вместе с группой из Челябинска, которая тоже шла с целью покорения Белухи. Эти люди отнеслись ко мне с пониманием и очень участливо. Они беспокоились за меня, не хотели отпускать на подобную авантюру одного. Уже после похода, осенью во Владивостоке я получил письмо, в котором они писали, что восхождение у них не получилось. Их преследовала плохая погода, и на спуске один из них получил травму. Его доставили вниз и отправили на вертолете в «населенку». В общем, пришлось довольно туго, и не их вина, что Белуха в тот раз не покорилась. Слишком коварна эта вершина с ласковым именем.

Я присаживаюсь на морене перед ледопадом и, скинув рюкзак, готовлюсь к работе. В принципе мне, одиночке, это не долго – кошки на ноги, рюкзак на спину, ледоруб в руки, и вперед. Но я довольно долго спокойно сижу, не двигаясь, и пытаюсь успокоиться, сосредоточить ум только на том, что необходимо, настроить его, исключив страх. Немного погодя мне это удается. Ледопад уже не пугает меня – я привыкаю к его присутствию и молчанию. То, что мне предстоит, настолько занимает меня, что отодвигает на задний план главную цель – саму Белуху. Она будет потом, выше, а пока я, немного отрешенно воспринимая окружающее, сняв для прохлады ветровку, медленно пересекаю ледник к центру ступени нагромождения сераков. Мы с ледопадом словно два противника, разглядывающие друг друга и оценивающие свои силы. Он выжидательно замер, а я делаю первый шаг ему навстречу.

Где-то слева, у Раздельного гребня за перегибом ледопада должна быть ровная гладкая полка, незатронутая общим движением ледника. Так мне рассказывали в турклубе ребята, ходившие этим маршрутом. Теперь туда должен попасть и я.

Немного погодя я уже уверен, что пройду. Вон уже та полочка у хребта – до нее метров сорок. Та-ак. Крутяк снова? Обход есть? Есть, но вон за тем огромным сераком не видно, как идти. А здесь пять метров на передних зубьях кошек, и я уже там. Ну что, пойдём? Только не спеши, парень. Спешка ни к чему. Стоп! Успокойся, бродяга. Вот теперь пошел. Черт бы побрал эти ледопады! Скалолазам бы такое! А то зацеп к зацепу, и все элементарно. Не опасно... Жаль, что сложно очень.

Прокравшись под огромным навесом серака со следами явно свежих сколов, аккуратно ставя кошки на крутом льду, подхожу к серии небольших трещин, отделяющих ледник от косой ледяной террасы, круто убегающей наверх. Одна из трещин настолько широка, что я не могу перепрыгнуть ее. К счастью, несколько правее вижу шаткий диагональный ледовый мостик, ажуром сосулек перекинутый через бездну. Долго пробую его на прочность и в конце концов решаюсь довериться его хрупкости, так как не вижу другой возможности преодолеть трещину. Шаг за шагом, аккуратно ступая по лезвию льда, потихоньку крадусь над бездной. Внутри меня быстро нарастает напряжение, которое сковывает движения и давит на сознание... И я не выдерживаю – отпускаю себя и, в два быстрых прыжка перекрываю

расстояние до противоположного края трещины, сильным ударом – в падении – всаживаю в него клюв ледоруба. В груди бешено колотится сердце. Все! Тебе еще идти и идти, парень, но этот ледопад ты прошел. И теперь глупо поворачивать назад. Ты будешь там, и точка... Вперед!

Не оглядываясь на пройденный этап, ухожу вверх. Стремительным броском траверсирую склон, перепрыгивая мелкие трещины, и вскоре вылезая на Раздельный гребень напротив Голубого балкона, на скальный обрыв, падающий крутой стеной к западной ветви ледника Геблера. Здесь меня встречает тишина.

Я сажусь на гребне и оглядываюсь вокруг. Сквозь клочья облаков, набегающих на меня, удастся разглядеть язык ледника, озеро, где я ночевал. Все это далеко у меня под ногами, нереально задернуто дымкой, и поэтому кажется до смешного маленьким, крохотным. Сквозь окна в гонимой ветром облачности иногда мелькают невыразительными красками окружающие меня вершины. Да и вообще все вокруг благодаря туману обрело тусклые нелепые оттенки. Даже неба не видно. И солнце едва-едва желтеет своей умильной рожей над облаками.

Гляжу вперед, вверх по леднику. Выше Голубого балкона все засыпано снегом – трещины и гигантские ледовые блоки, перегораживающие все ложе ледника. Внезапно до меня доходит, насколько там, на предстоящем мне пути, все огромно, невероятно глобально и подавляет своими размерами. Туман, скрадывавший перспективу, внезапно расступается, и моему взору предстает чернеющая над этим хаосом скальная стенка пика ТКТ. Справа с высоких склонов нависают зловещими лбами висячие ледники. Где-то там находится перевал ТКТ, выводящий на ледник Менсу. Но эти нависшие угрожающе шаткие ледовые блоки! Когда они валятся с той невероятной высоты вниз, зрелище, наверное, бывает жуткое. Мне становится понятно, как я ошибался, думая, что выше Голубого балкона все будет просто и неопасно. Там внизу этот участок казался мне просто ишачьей тропкой, пешей ходьбой по спокойному леднику. Цена этой ошибки может оказаться безмерно высокой, и мною овладевает мрачная растерянность...

Сотню метров до спуска на Балкон прохожу по чередующимся участкам пологих скал и льда. Попытавшись пройти переметный ледничок поверху, уперся в «непроход» густых трещин и обломков льда. Тогда возвращаюсь к скалам, и вдоль них по слабой мелкой осыпи спускаюсь метров на тридцать вниз, где и перехожу к узкому рантлюфту, единственному месту у края льда, где он имеет меньшую крутизну. Но все-таки она и здесь устрашающая, и мне приходится рубить ступени, по которым я выбираюсь наверх, на спокойные камни маленькой морены, что залегла под высокой скальной стенкой. Небольшая передышка, и снова рвусь вверх, в туман, в неизвестность, влекущую меня по грани нереальности все дальше и дальше, – туда, откуда нет возврата. Потеряв всякое ощущение времени, петляю по заснеженному ледопаду, обхожу черные пасти трещин, и,

упираясь в очередной «непроход», возвращаюсь, делая далекие обходы. Иногда наталкиваюсь на полузаметенные следы какой-то группы людей, снова теряю их, и снова нахожу. Несколько раз занимаюсь эквилибристикой на непрочных снежных пробках над разверстыми в жадной ненависти трещинами. И все время, делая каждый шаг, заставляю себя зондировать снег перед собой, заставляю измученную руку поднимать ледоруб, вонзать его на шаг впереди себя, и снова выдергивать из тугой пелены снега... Бесплезность этой нудной работы изматывает хуже тяжелой ходьбы. Тело не хочет, оно сопротивляется всем лишним движениям, и только воля, глубоко засевшая в моем подсознании, заставляет его делать это. Ведь я не должен ошибиться ни разу, если хочу дойти до цели и спуститься живым. А ошибиться можно в любом месте – страшная невидимая опасность может подкарауливать где угодно. Она невидима, та единственная скрытая снегом трещина. Она неразличима на общей поверхности ледника, и она терпеливо ждет меня, зная, что бежать мне некуда. Ждет там, где я ее меньше всего жду... Снова портится погода. Откуда-то с запада из-за Раздельного гребня, закрывая солнце, налетают холодные серые тучи и сыплют вниз мелкий снег. Начинается пурга. Я в растерянности останавливаюсь. Идти дальше, в никуда? Но ведь ничего не видно! Это проклятие сводит меня с ума.

Надо ставить палатку, решаю я. Долго работаю ледорубом, расчищая и разравнивая на склоне ровную площадку под палаточку. Ноги в ботинках давно уже мокрые насквозь, перчатки тоже, и сейчас я начинаю мерзнуть на ветру, стелющем слабую поземку. Плохо, парень.

Устанавливаю непослушную палатку. Она все время стремится сорваться и улететь куда-то. словно птица бьется она в моих руках. Я распаковываю рюкзак и закидываю вещи в палатку. Теперь осталось только самому влезть.

Внезапно я с удивлением замечаю, что снегопад прекратился. Ветер тот же, но в небе сверкает солнце. До заката ему еще далеко – часа три, не меньше. Ниже меня виден Голубой балкон, плато под нижними ледопадами, язык ледника Геблера в обрамлении бесснежных зеленых горок. А вверху? Выше из тумана проглядывает стена пика ТКТ. До нее рукой подать. Я вспоминаю, что там есть возможность переночевать – ледник там имеет форму ступени.

Ночевать здесь? Но ведь так близко! И время есть. Решено, я пойду туда сегодня. Снимаюсь!

Ты безумец, парень. Я перестаю тебя понимать. Да и как тут поймешь, когда до захода солнца остался час, а ты, сняв уже установленную палатку с подходящего места, упрямо ломишься вверх, в полнейший туман, что окрашивается закатом. Ты глуп и безрассуден, парень. Но ты уже не слышишь ничего. Ты упряма как... как... А! Черт с ним! Вперед, парень! Вперед!

Под нависшим лбом бергшрунда, засыпанного плотным снегом, в уютной снежной яме стоит моя палатка. Я очень долго и тщательно устанавливал ее. Чем черт не шутит! Зато буду спать спокойно.

Солнце уже село за горизонт, и небо отсвечивает яркими красками заката. К ночи ветер стих, а облака опустились вниз, закрыв долины и низкие хребты сплошным серым покровом. Надо мной небо чистое и слезится холодным блеском звезд. Только у горизонта в бордовой тьме сгущаются тучи.

Похоже на то, что здесь тоже кто-то недавно ночевал. Разлитый чай, бумага. Да, довольно уютное местечко. До пика ТКТ еще около трехсот метров по ледопад, вправо уводит широкий лог, весь изрезанный трещинами и сбросами. Выводит он, надо полагать, на перевал того же названия. Мой путь лежит на северо-запад, туда, где ледник, перегибаясь, выводит на седло Белухи. Кажется, что пройти там, не смотря на огромные трещины, мне удастся. Надо будет, пожалуй, идти как можно левее, чтобы затем, набрав высоту, спокойно выйти вдоль склона на ровный снежный взлет, выводящий к перегибу. Но это все только наметки. Утро вечера мудренее, решаю я и, поев, уже в полной темноте укладываюсь спать.

Вот это ночка! Как описать кошмарный ночлег на высоте почти четырех тысяч метров, все еще памятный мне?! Как описать свой страх, всю силу шторма, треплющего палатку и терзающего нервы?

Среди ночи я внезапно просыпаюсь от дикого визга и рева урагана. Палатка содрогается под неистовыми ударами ужасной силы. Ослепительными вспышками где-то надо мной блещут молнии, и при их синем свете воздух внутри палатки превращается в густую жуткую массу. Сквозь неизвестно какие отверстия внутрь проникает мелкая снежная пыль, оседающая на вещи, разбросанные у входа. Такое впечатление, что сейчас меня вместе с палаткой сорвет с места и унесет в черную бездну ущелий Алтая. Одинокий маленький человечек, затерявшийся в буйстве ночного шторма на склоне огромной горы. Только бы устояла палатка, только бы... Я вдруг отчетливо представляю себе, что было бы, останься я ночевать на ровном склоне, где сейчас беснуется свирепый ветер...

Слышно, как бьется оторвавшийся край тента. Если ничего не предпринять, то минут через десять он улетит совсем. Расстегиваю выход палатки, и тут же получаю в лицо порцию снега. Ба! Это словно отрезвляющий ушат холодной воды после сна. Я снова спокоен. Выбравшись наружу, ловлю край тента, и не придумав ничего лучшего, заворачиваю его под палатку. Кругом полнейший мрак. Свист ветра, секущий сильный снег, и хлопающая провисшими капроновыми скатами палатка. Забравшись в нее, я сажусь у входа, придавив своим весом тент, и отряхиваюсь от налипшего снега. Затем подтягиваю под себя каримат, сваливаю в кучу все вещи, и ложусь на них, накрывшись спальником. Все, теперь только ждать утра. Я больше ничего не в силах сделать.

Через час ветер стихает. Пыхание молний слабеет, но снег по-прежнему продолжает сыпать. Несколько раз сквозь дрему слышу тяжелые вздохи, словно кому-то с силой сдавливают грудь – то сходит «белая смерть». Лавины идут, кажется, со стен пика. А может быть, и с Раздельного гребня. А как я пойду дальше, если они будут висеть кругом, готовые сорваться при любом шорохе? А! Черт с ним! Утром при свете дня погляжу, что к чему, решаю я и засыпаю, свернувшись клубком у входа в палатку.

Рассвет встречает меня чистым небом и резким колючим ветром с запада. Выпавший ночью свежий снег срывается под его порывами со склонов Западной Белухи и вздымающейся надо мной стены ТКТ огромными флагами. Ледник весь засыпан по щиколотку этим снегом. Похоже, что моих вчерашних следов мне не найти при спуске. Спуске? А подъем? А вершина?.. Что мне делать? До вершины рукой подать, но как мне пройти оставшуюся часть ледопада, если все закрыто снегом? Как мне прокрасться под нависшими надо мной тысячами тонн снежных наметов? Что же мне предпринять? Неужто мне предназначено отступить именно тогда, когда до желанной цели так близко... И ведь потом я даже перед самим собой не смогу оправдаться в своем жалком отказе от нее. Я не смогу потом понять себя, удивляясь тому, что не дошел до конца. Да, сейчас мне нужна победа! Победа прежде всего над самим собой. Без этого я не спущусь. Не смогу спуститься именно потому, что в таком случае для меня все закончится, оборвется тупиком этот большой этап моей жизни. А если я спущусь, неся в сердце победу над горой, – для меня все только начинается.

Значит, вверх? Да! А вниз?.. Пока иди, но... Да, я понял тебя. Пока можешь – иди вверх.

Я быстро делаю себе чай, вытапливая снег на примусе, и, пока он закипает, немного подкрепляюсь сухой халвой, сухарями с маргарином и остатками вчерашнего риса. Совсем чуть-чуть, но я почти не хочу есть и, пересиливая себя, жую холодную пищу. Вот только пить надо больше. Но воды здесь нет, и я долго еще жду, пока закипит мой чай...

Итак, парень, ты здесь. Ты в двух шагах от исполнения твоей заветной мечты. Сейчас, на высоте около четырех километров, ты пьешь чай и никак не можешь поймать торжественность этого момента. Для движения вперед ты вступил в сделку с самим собой. У тебя не хватает силы воли пинать свое тело дальше, и ты начинаешь торговаться. Ну что ж, ты заслужил этот позор своей ленью и малодушием. Ты не забудешь этого никогда. Ведь достаточно одной ошибки, одной нелепой случайности, простого повода, и ты, безоговорочно уже, повернешься спиной к вершине. И проиграешь.

Такие мысли бесятся в моей голове, когда я заканчиваю завтрак. Я сижу возле сво-

ей палатки и, закинув голову к голубой бездне, словно вглядываясь в чистые глаза бесконечности, впитываю в себя ее душу и высоту тайны. Воздух дрожит ледяным ветром, играющим над горой с бархатным лезвием рассвета. И бесконечно высоко реют огромные яркие флаги снежной бури, рвущейся с громадного бастиона Западной Белухи. А здесь, внизу, еще темно, ветер не трогает спокойного безмолвия снегов, и поэтому на душе у меня тоже лежит печать спокойствия и какой-то отрешенности.

Приблизительно часов в восемь я прячу все вещи в палатку и, присев на краешек тента, быстро и сноровисто надеваю кошки на ранты ботинок. Выдергиваю из снега ледоруб. Все. Я готов. Окидываю прощальным взглядом снежную яму, приютившую меня этой ночью, и сердце сжимается в сладкой ломоте горной эйфории. Я внезапно ощущаю в себе какую-то странную звенящую струну и с облегчением подчиняюсь ее властному трезвому приказу. Все. Тяжесть уходит из моего сердца так же, как склон горы из-под ног, целиком вытесненная прекрасным завлекающим чувством холодного страшного восторга

Траверсирую склон влево, двигаюсь между широких трещин к борту ледника. Далеко петляя, удачно обхожу несколько последних бергшрундов и выбираюсь на крепкий наст длинного крутого ровного взлета, выводящего на седло Белухи. Я еще в тени восточных хребтов, и наст хорошо меня держит. Уперев взгляд в склон перед собой, я иду вверх, запоздало понимая, что забыл прихватить темные очки против бешенства солнца. В этой разреженной атмосфере его лучи снесут и опалят все, что противостоит его натиску. Скоро я выйду на освещенный восходом снег, и тогда мне придется очень туго.

До перегиба на седло еще около пятисот метров подъема. Я уже не зондирую перед собой путь ледорубом, как я делал это вчера ниже на леднике. Я невероятно устал думать, что каждый мой шаг может быть последним. Сейчас я могу идти и идти вверх, карабкаться к ускользящему от меня небу, и я не в состоянии делать что-нибудь еще...

Выхожу на освещенный склон и сразу чувствую, как снег под ногами раскисает, а ботинки начинают проваливаться в его тугую подушку. Становится невероятно жарко, я перехожу из одной крайности в другую. Только что меня колотила дрожь, а теперь я, раздевшись, не могу остудить в этом пекле свое тело. Медленно, очень медленно я набираю необходимые метры высоты. А она все глубже и глубже проникает в меня, захватывает мышцы и сознание мутной истомой.

Давай, парень! Ну же, ну... Дави, дави из себя все до предела, отбрось в сторону все ненужное и наносное. Шаг, еще один... Молодец. Если так дело пойдет и дальше, то ты зайдешь. Только жми, жми до упора, не сдавайся. Черт! Как трудно заставить себя думать о чем-то конкретном. Мысли все время куда-то ускользают.

Это не «горняшка», нет. Просто я устал. А ведь это только начало. Очевидно, сказывается напряжение нескольких последних дней, во время которых я не давал себе расслабиться. Слава Богу, эти ледовые сбросы у края стены пика ТКТ уже близко. А до перегиба тоже совсем чуть-чуть – вот уже и Западная Белуха показалась, балансируя на нереальном фоне неба.

Обойдя на перегибе ледника, спускающегося с Белухи, последнюю, кажется, зону трещин, я выхожу, проваливаясь по колено в снег, на огромное белое плато между двумя вершинами Белухи. Широкое снежное поле, из которого слева от меня возносится, прикрывая его от свирепого ветра, западная вершина, спокойно и нереально неподвижная со своими застывшими снегами. Не сразу до моего сознания доходит, что это уже все! Не будет больше ледопадов, трещин, льда, предательски крошащегося под зубьями кошек. Не будет больше неизвестности, ожидания.. Вершина – вот она! До нее осталось не больше восьмисот-девятьсот метров подъема. Я останавливаюсь в глубоком снегу и успокаиваю дыхание. Передо мной возвышается крутая стена снега, гигантским взлетом выводящая к предвершинному гребню Восточной Белухи. Заставляю себя пристально вглядываться. Смотри, парень, смотри. Видишь бергшрудн? Н-да... Ребята в турклубе о нем не упоминали. Скорее всего его здесь не было. А как пойдешь? Слева – это гигантский обход по плато по глубокому снегу, под которым могут прятаться трещины. А выше «берга» под скалами – лед, это даже отсюда видно. Здесь, прямо по диагонали по снежному склону короче, но есть опасность подрезать лавину, тем более что выше, в всяких скальных кулуарах, тоже полно свежеевыпавшего снега. Это опасно, но это проще всего... Проще всего, и я пойду здесь.

На плато тихо. Только в тишине над ним гудит грозный обелиск Западной Белухи. Да чуть слышно стонет ветер, запутавшись дыханием в мягких снегах царства холода и высоты. Плато похоже на какой-то храм тишины между двумя бушующими гигантскими соперницами – западной и восточной вершинами. Между ними, словно огромные синие ворота, распахнутые навстречу северному холодному небу, – седловина, обрывающаяся километровой стеной к Аккемскому леднику...

Я выхожу из мутной задумчивости и, опираясь всем телом на ледоруб, начинаю огромный подъем на вершинную башню. Пересекаю плато, перелезаю с правого края бергшрудн, вязну по пояс в глубоком мягком снегу нижней части склона. Теперь, поднимаясь по крутому склону, я начинаю ощущать высоту, на которую меня завлекла фантазия. Меня подташнивает, мутит. Движения какие-то вялые, неуверенные, несмотря на мои усилия. Через каждые пятьдесят-шестьдесят шагов я обессиленно останавливаюсь и несколько секунд трачу на то, чтобы успокоить дыхание. Автоматически проверяю у себя пульс. К моему удивлению, он не так уж высок – сто-сто десять ударов в минуту. Подо мной проплывает белый склон, и когда я склоняюсь на остановке к ледорубу, я вижу под ногами далекие зеленые долины, настолько крутой склон я преодолеваю. Все время бьется беспокойная